

18+ Владимирова Репина

Бездуховная духовность

Полина Владимировна Репина

Бездуховная духовность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54298841

ISBN 9785449871893

Аннотация

Юноша по имени Эрлай приезжает в город учиться на скульптора. На творчество его вдохновляет вера в Бога, запрещенная в стране в то время. Но для Эрлая не верить – значит не быть творцом. Дилемма сложна. Что выберет Эрлай? Искренни ли с ним его девушка и друг Гуансюй?...Тридцать лет спустя страну не узнать: теперь религия здесь в почете. Журналист Шоучжень знакомится с духовным лидером Цзюго Нуронг. Он хочет понять: действительно ли она идеал духовности? Как связаны эти две истории?

Содержание

1. Бездуховная духовность	5
Часть 1. Эрлай	6
Часть 2. Шоучжень	37
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Бездуховная духовность

Полина

Владимировна Репина

© Полина Владимировна Репина, 2020

ISBN 978-5-4498-7189-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Бездуховная духовность

Часть 1. Эрлай

Эрлай смотрел в окно. Вдали виднелось золотое пшеничное поле, с которого уже начали собирать урожай. Близилась осень. Солнце светило ослепительно ярко – не было ни единого облака; стояла абсолютно безветренная погода. Это было похоже на последний и самый драгоценный подарок этого лета. Посреди поля стоял смуглый мужчина – отец одиннадцатилетнего Эрлая. Он заканчивал сбор урожая. Его лицо стало ярко-красным от палящего солнца – здесь он провел целый день; было видно, что он очень устал. Каждый год, ранней весной, как только сходили снега, сеятель закладывал в сухое неплодородное поле семена, которые должны были прорасти ближе к осени. Всё это сопровождалось особым ритуалом: все двести десять человек, которые жили в этом селении, на этой неблагоприятной земле, распевали песни, в которых называли поле своим «батюшкой» и «кормильцем» и просили дать хороший урожай. Теперь люди могли видеть благодарность природы за их труды – действие в жизни половицы «что посеешь, то и пожнешь».

Мальчик задумался и остановился на мысли о том, что наша жизнь тоже циклична: пору проб и ошибок, нашего становления мы именуем весной, время расцвета, когда мы достигаем апогея своих возможностей – летом, а последний период и венец жизни – осенью. Эрлай думал о том, что каж-

дому человеку хотелось бы, чтобы его осень была как можно более тёплой и продолжительной. И такой же прекрасной, как это поле в последний день лета.

Дверь открылась. В комнату вошла мама мальчика – такая же уставшая, как и папа, который еще не вернулся домой.

«Мама, ты так устала!» – сказал Эрлай и поцеловал её. Затем он добавил: «Завтра только первое сентября, а ты уже целый день занимаешься полевыми работами! Настоящий урожай пойдёт только с середины месяца, а в это время тебе обычно хватало двух – трех часов! Почему вы с папой не попросите меня помочь вам? Я уже взрослый, и я же вам никогда не откажу!»

Тут мама ответила: «Сынок, мы справимся сами. Скоро у тебя появятся новые обязанности: всё, что будет происходить в твоей жизни с этой осени, гораздо серьёзнее всего, что было в ней до сих пор. Теперь ты пойдёшь в пятый класс – станешь учеником средней школы. И главное место сейчас должна занимать учёба, а не сбор урожая. Ты будешь учиться в довольно большом провинциальном городе: ты познакомишься и с его повседневной жизнью – гораздо более напряжённой, чем наша, и с его богатой культурной жизнью. Возможно, когда ты закончишь школу, ты переедешь в город насовсем, чтобы получить достойное образование и работу. Тебе очень повезло: у тебя есть возможность выйти в люди и не ограничивать свою жизнь нашим аулом, не выживать благодаря сельскому хозяйству. Мы же с отцом окон-

чили только три класса здесь же, где и ты; тогда практически не было связи с цивилизацией. Но повезло ли тебе? На это можно посмотреть по-разному». – Тут мама отвела глаза в сторону; у неё были какие-то свои мысли, которыми она решила не делиться с сыном.

– А что значит – посмотреть по-разному? – спросил Эрлай.

– Да это я так, к слову сказала, – заметила мама. – Ну, довольно философии. Завтра мы встаём в шесть часов, и я провожаю тебя до автобусной остановки. Ехать почти двести километров, и к девяти вы должны приехать. Не забудь ручку и тетрадь – вдруг понадобится что-то записать, – предупредила она. – А теперь пора спать – завтра нелёгкий день.

Наутро Эрлай проснулся, и они с мамой отправились к месту, где их поджидал школьный автобус. Женщина понимала, что настроение у сына не самое радужное, и всячески пыталась его развеселить. А у Эрлая было нехорошее предчувствие: дети из соседних селений, сидевшие в автобусе, опускали глаза и напряжённо переглядывались.

Три часа спустя дорога была позади, и новоиспечённые пятиклассники стояли на пороге своей новой школы. Всех поразило множество кабинетов и количество этажей – целых пять. Тут подошла учительница, очень официально одетая: чёрный пиджак и чёрная юбка ниже колен. Она больше походила на старшеклассницу; смущалась и волновалась не меньше детей. Было видно, что это – её первый класс, и всё для

неё в диковинку.

Когда дети вошли в кабинет, все сразу же бросились к большой интерактивной доске для фильмов и презентаций. Вопросам и восторгу не было конца. Учительница сказала, что доской они будут пользоваться на её предмете – литературе. Она смотрела на детей как на аборигенов, которых привезли откуда-то из джунглей. У неё был от природы тихий голос, и она чуть не сорвала его, прежде чем заставила всех сесть на места. Каждый вставал и громко называл своё имя. Когда знакомство было окончено, учительница официально, но как-то уныло сказала: «Сейчас я прочитаю вам известный труд величайшего мыслителя нашей страны – Цюаня Чжиго. Мы живём в молодой стране, история которой – всего лишь четыреста лет, но нам повезло с этим человеком, который изложил единственно верное видение многих проблем. Работа называется „Стремление. К детям“. Она о смысле человеческой жизни. Может, кто-нибудь уже знает что-то об этом?»

Класс молчал. «Как всё запущено», – тяжело вздохнула учительница и принялась читать.

«Дети мои! Много сказано неправды о смысле жизни. Я же скажу вам: вопреки всяким домыслам, жизнь одна. И наша главная задача – взять от неё всё самое лучшее. С ранних лет посвящайте всё время учёбе, а затем – избранному вами делу; позабудьте о бесплодных с практической точки зрения увлечениях и посиделках с друзьями. До полудня – месите глину и таскайте камни, после полудня – на-

слаждайтесь прохладами возведённого вами замка. Проще говоря, в первые сорок лет жизни делайте всё для вашего возвышения, тогда во второй половине жизни вкусите вы более сочные плоды, чем остальные. Человек – существо, движущая сила которого – его эгоизм; не отдавайте своих достижений другу, ибо дружбы никакой нет вовсе. Представьте, что в волосах ваших блеснёт проседь, а вы так и останетесь пассивным неудачником. И решите сделать что-то хорошее для других людей. Но вы быстро забудете эту затею; находясь ниже толпы, вы не найдёте в себе сил её осчастливить, так как в вас будет жить тайная зависть и неприязнь ко всем, кто достиг больше вашего. С какой стати вам помогать им? Если же на социальной лестнице вы будете стоять на порядок выше толпы и будете её покровителем, это будет для вас легко и приятно: ваше благодеяние народ воспримет как воздушный поцелуй от идола общества. Не обманывайте себя: не может человек искренне радоваться успехам другого. Есть только одна вещь, которая волнует нас так же, как и мы сами: это наши дети. Ради них мы должны двигаться вперёд, ведь тогда они с детства будут наслаждаться большими благами, чем их ровесники, или же начнут жизнь в зените родительской славы. Тогда им предстоит меньше борьбы и конкуренции, чем остальным, хотя жизнь – борьба, борьба и ещё раз борьба. Нынешний человек должен быть твёрдым, а не мягким и склонным к компромиссам. Запомните слова эти и всю жизнь им следуйте».

Девушка прочла текст «как пономарь»: сухо и совершенно без эмоций. Потом она пожелала всем подружиться; в классе Эрлая было сорок человек, а в других двух – по двадцать. Учительница назвала детей «не такими, как остальные» и намекнула, что следует быть осторожными с учениками из параллельных классов. В воздух взметнулась рука Эрлая.

– Можно, я задам Вам вопрос? – спросил он.

– Пожалуйста, – ответила педагог.

– Почему нельзя было сформировать равномерные классы?

– Вопрос к директору, не ко мне, – возразила учитель.

– А всё-таки...? Это так странно! – не унимался ученик.

– По-моему, всё и так очевидно! – сказала девушка. –

Просто вы и другие пятиклассники – с разных планет. Они получили иное воспитание и привыкли к иным вещам. Боюсь, если вы расскажете им что-то о себе, они будут насмеяться над вами! У вас слишком разные приоритеты и разные... материальные возможности, – смущённо закончила педагог.

– Но почему они не могут относиться к нам как к равным?! Мы же такие же люди! Почему вообще жизнь такая неравная?! – воскликнул ученик.

– Никакого равного идеального общества не бывает! Это всё ерунда! Тебе можно дать все четырнадцать лет, а рассуждаешь как годовалый ребёнок! Ты что, невнимательно слушал «Стремление»?

– Я с ним не согласен, – неожиданно сказал Эрлай.

– Ещё раз скажешь нечто подобное – и будешь иметь дело с директором, – пригрозила несогласному ученику девушка.

После этого она стала спрашивать детей об их увлечениях. Ничего интересного рассказано не было: мальчишки предпочитали игры с мячом, да и то редко; основная часть времени уходила на работу в поле и помощь родителям по хозяйству. У всех, кроме Эрлая, были традиционно большие семьи – по семь-восемь человек детей, и поэтому, повзрослев, девочки выполняли в семье роль матери: всячески заботились о малышах и читали им сказки. Кстати, в посёлке была большая старинная библиотека, из которой многие любили читать классические книги зарубежных авторов, так как своя литература была не на высоте. Но почему-то все ребята, обычно такие естественные и раскованные, об этом не говорили ни слова. Как сговорились.

Тем временем учительница, устав от однообразия, на фразу каждого машинально кивала головой: эти дети не говорили ни о любимых телепередачах, ни о кружках, ни о поездках. Когда дошла очередь до Эрлая, девушка заинтригованно посмотрела на него, ожидая чего-то необычного, и оказалась права. Эрлай начал рассказ так: «У нас в посёлке живёт один старый человек, которого все зовут дедушка Чунсань. Он занимается гончарным делом и лепит из глины очень красивые фигуры – они как живые. Когда мне было семь лет, он познакомил меня со своим искусством, и я стал помогать ему.

С тех пор моя мечта – стать скульптором. Я очень люблю выполнять работы по библейским сюжетам. Моя любимая композиция – „Предательство веры“. В ней Каифа протягивает Иуде тридцать серебряных монет за предательство Учителя, который лежит тут же, связанный, но с умиротворённым лицом. Каифу я показал худощавым невысоким старикашкой с заостренным подбородком, как знак его духовного ничтожества. К тому же у него, как и у Януса, два лица: одно – слащаво-набожное, а второе – самодовольное и заносчивое. Под его пурпурными одеждами до пола (что считалось символом величия) выступает груда камней. Этот мешок с камнями означает, что лицемерие – самый страшный и тяжёлый груз, а Каифа по праву считается отцом всех на Земле лицемеров».

Когда Эрлай договорил, класс оживился; каждому хотелось узнать больше об этой стороне жизни. Но тут педагог строго объявила, что урок окончен, хотя до звонка оставалось ещё пятнадцать минут, и попросила детей спускаться вниз, к автобусу. Когда все начали расходиться, девушка негромко окликнула Эрлая, и он был вынужден проследовать к директору. Там мальчик выслушал долгую нотацию о том, что всё, что он считал важным и правильным – абсурд, и что он не должен отвечать на вопросы одноклассников о религии и вообще извиниться за «всю эту околесицу», как выразился директор. Для вида мальчик согласился. Когда он подошёл к автобусу, его ждали уже целый лишний час.

Так для Эрлая началась учёба в пятом классе.

Семь лет спустя Эрлай – высокий худощавый юноша – возвращался из училища, где он получал специальность скульптора. Войдя в свой, сорок восьмой, номер общежития, в котором он устроил небольшую мастерскую, он увидел незнакомого юношу, что любовался его последним творением.

– Ты скульптор, – сказал он, и это был не вопрос. – У тебя есть талант. Я в восторге от этих трёх скульптур, – сделал незнакомец жест рукой. – Расскажи мне об их значении.

Первой фигурой была мраморная пантера, походившая при первом взгляде на настоящую: казалось, что у кошки чёрная бархатная шерсть, и до неё хотелось дотронуться. На кошке сидела в вольной позе женщина в египетских одеждах; гость Эрлая сразу догадался, что это – Клеопатра, известная своим сладострастием. Первая часть композиции отражала первый из трёх главных пороков средневекового общества – господство плоти над разумом. Вторая скульптура представляла собой льва, пожирающего сырое мясо на золотом троне; он был грозен, а на голове его была корона. Это второй ужасный порок – властолюбие. Третьей фигурой была волчица, выполняющая роль казначея льва и подсчитывающая за столом золотые монеты с особой жадностью. Это был третий порок – алчность.

Выслушав Эрлая, его гость, который жил в соседнем номере и случайно вошёл в чужую открытую комнату, взгля-

да не мог отвести от скульптур. Он рассказал, что его зовут Гуансюем и он приехал сюда из маленького городка, учился там же, где и Эрлай, а теперь вот уже год как работает в скульптурном сообществе «Изыщество и глубина». Попасть туда было давней мечтой Эрлая, и новый знакомый сразу показался ему чуть ли не небожителем. Название организации Гуансюй объяснил тем, что в любом произведении искусства должно быть прекрасно как внешнее исполнение, так и глубокий смысл. Гуансюй образцово закончил училище, и его глава дал рекомендацию руководителю сообщества, чтобы Гуансюя приняли на работу. Юноша ещё раз подчеркнул особый дар Эрлая и заметил, что со временем и у него появится такая же возможность. Так молодые люди познакомились.

Со временем они стали друзьями: Эрлай считал полезным знакомство с более опытным Гуансюем, который мог бы ему посоветовать что-то как состоявшийся профессионал; однако почему-то всё выходило наоборот – Гуансюй говорил, что каждому скульптору есть чему поучиться у Эрлая и он не нуждается в советах, потому что его рукой всегда водит некто свыше.

Прошло три с половиной года. У Эрлая был перерыв в учёбе в связи с новогодними каникулами, и в это время он занимался поиском новых сюжетов для творчества. У него наступило озарение, но в тот же миг в дверь настойчиво постучали. Пришёл Гуансюй; вид у него был такой, будто он

попал в беду, и только Эрлай мог его спасти. Молодой скульптор уже несколько лет как купил свою квартиру, и их с Эрлаем встречи теперь проходили там; но неожиданно он решил навестить друга в общежитии.

– Надо поговорить; это неотложно! – начал очень тревожно Гуансюй. Эрлай придвинул ему стул и угостил чаем, но тот отказался.

– Моя девушка разочаровалась во мне, – продолжал он, – и заявила, что я – всего лишь паинька-мальчик с красивым дипломом, который неплохо выполняет чужие поручения, но не в состоянии создать ничего своего! Она познакомилась с одним человеком, и теперь без конца критикует мою работу, сравнивая меня с ним; ей кажется, что моё дарование не идёт ни в какое сравнение с его талантом!

– А чем я здесь могу помочь? – не понял Эрлай.

– Да ведь она отдаёт ему предпочтение не только как скульптору, но и как человеку!

– Если она выбрала тебя когда-то лишь исходя из этого, то грош цена этой девушке и её чувствам! Ей нужен не ты, а твои лавры! – возмутился Эрлай, но друг перебил его и возразил: «Как бы там ни было, но я люблю её! И лучше умру, чем её потеряю, а она отдаляется от меня...»

На лице Гуансюя была грусть и безысходность. Он добавил: «Не мог бы ты сделать для меня что-нибудь оригинальное? Вложи в это все силы. Я покажу это ей и скажу, будто это сделал я, и может, она передумает бросать меня! Ты ге-

ниален, чего тебе стоит! Прошу тебя!» – взмолился Гуансью, и Эрлай не смог отказать.

Работал Эрлай полгода. Ради этого он даже пропускал занятия в училище, объясняя это болезнью. Он вставал ранним утром и трудился до поздней ночи. Всё настойчивее ему звонил Гуансью и напоминал, что время не ждёт, но юноша отвечал, что для хорошего результата работать нужно долго. Он не позволял Гуансюю приезжать смотреть на неоконченный труд; но наконец он пригласил его к себе. Творец откинул портьеру, и Гуансью увидел новое детище своего друга: четверых живых людей, которые, казалось, вот-вот сойдут с места. Первой была хрупкая, изящная женщина: с одной стороны, было понятно, что ей много лет, но с другой – в ней было что-то неизменно детское. На коленях её лежал младенец и спал сладким сном; в левой руке её была раненая птица – чайка, которая сидела смиренно, наклонив голову; в правой же руке она держала большой шар, полый внутри.

– Это четыре главные добродетели, – пояснил Эрлай. – Женщина – мудрость. Её детские черты лица и ребёнок на коленях – символ того, что самое мудрое существо – младенец; он радуется каждому дню, познавая новое, безгрешен и ещё не искушён в интригах жизни: он любит каждый предмет и каждое живое существо. Раненая птица означает смирение: мудрый человек никогда не ропщет на судьбу. А шар в руке – то, в чём отражается истина – самое главное в жизни. Мудрец отличается от большинства тем, что видит исти-

ну невооружённым глазом и не сомневается в ней.

Второй была высокая, мощная женщина-амазонка в одежде воина. Она держала меч, которым собиралась обрубить головы страшному девятиглавому дракону, что лежал у её ног. Эрлай рассказал, что торжество правды, приходящей свыше, иногда кажется жестоким, но возмездие за совершённое зло всегда заслуженно. Это был образ справедливости. Третьим был грозный воин в латах и шлеме с поднятым вверх копьём; он олицетворял мужество. И, наконец, завершал эту плеяду героев, на первый взгляд, абсолютно обыкновенный крестьянин в простой одежде и в лаптях. Он держал кувшин (видимо, с водой) и небольшой кусок хлеба – большего ему не было нужно. Он был воплощением умеренности во всём.

Гуансюй не мог подобрать слов, чтобы выразить своё восхищение; впав в эйфорию, он бросился обнимать и расцеловывать друга.

– Но я не могу показать это на выставке, – почему-то, придя в себя, сказал Гуансюй. – Это произведение на религиозной основе. Как я скажу об этом людям?! В нашей стране это жестоко карается.

– А скульптуры не надо никак описывать, комментировать, – успокоил его Эрлай. – Всё равно каждый понимает творчество по-своему. Если твоя девушка – действительно такая тонкая натура, как ты рассказывал, она всё поймёт и оценит без слов.

Ожидания Гуансюя оправдались; от счастья он вознёсся на девятое небо, то и дело напевал песни и был счастлив, что любимая вернулась к нему. Тем временем четырёхлетнее обучение Эрлая подходило к концу; он был безоговорочно признан самым перспективным выпускником года. Часто по ночам Эрлай не мог заснуть: он думал о том, по правильному ли пути движется. Иногда его сомнения казались ему глупыми: для чего же, если не для этого, он родился? Для чего четыре года разрывался между работой и учёбой (параллельно он подрабатывал таксистом, так как надеяться, кроме себя, ему было не на кого) и лишь изредка выбирался на каникулах к бедно живущим родителям? Но, с другой стороны, он был не просто скульптором, а человеком, у которого была СВОЯ ПРАВДА: он хотел, чтобы другие если не согласились, то хотя бы услышали бы её! Он не мог подавить в себе источник творчества не для заработка, а для души: для него это была религия. А быть честным для Эрлая означало вступить в конфликт с государством и сломать себе жизнь. Но он не хотел со временем превратиться в бездушного ремесленника, что обтёсывает камень и что-то лепит из глины лишь ради денег. Он думал: может, отказаться от своего призвания? Ведь он не сможет всю жизнь врать себе и работать вполсилы. Его терзали противоречия, и неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы не один телефонный звонок. Сначала Эрлай ушам своим не поверил: директор сообщества «Изыщество и глубина», Цзе Мейхунь, приглашал его на ра-

боту. От ректора училища он узнал, что его ученик – стоящий специалист, и поэтому, несмотря на молодость, ему самое время начинать работать в организации с мировым именем. По тону Мейхуня была понятна его заинтересованность в Эрлае. Не помня себя от счастья, юноша согласился и договорился о выходе на работу в следующую среду.

В понедельник, когда оставалось два дня до того, как Эрлай начнёт работать по профессии, к нему домой заглянул его друг. Гуансюй убедил Эрлая, что для него будет не лишним познакомиться с будущими коллегами в неформальной обстановке; он и сам желал видеть людей, до которых, он думал, ему расти и расти. Вечеринка должна была состояться у Мейхуней в тот же день, в восемь часов вечера. Там ожидалось собрание всего цвета – тридцати человек, занимающих на работе особое положение; при перечислении фамилий хотелось Эрлаю почтённо склонить голову в благоговейном молчании. Но Гуансюй сообщил Эрлаю новость, которая стала для него сюрпризом: это была не простая вечеринка, какие случались в том доме каждую пятницу, а особенная – ожидалась помолвка Гуансюя с Уцзифей, дочерью Мейхуня. От этого Эрлай загорелся ещё больше (ему хотелось лично увидеть это событие в жизни друга) и вечером отправился к Мейхуням.

Каково же было его разочарование, когда он ступил на порог этой квартиры! Комнат в ней было семь или восемь; все сидели в большой гостиной, в которой было ужасно накуре-

но. Всюду сидели безразличные ко всему, кроме своей персоны, заплывшие жиром мужчины с бокалами красного вина. Это показалось Эрлаю отвратительным, и взгляд его обратился к женщинам: это были кокетливые дамы лет сорока, которые следовали моде для двадцатилетних, и шестидесятилетние, которые в красоте пытались состязаться хотя бы с сорокалетними. Общими чертами женщин были вызывающие наряды и вульгарный раскрас, а также их пустые разговоры.

Как бы между прочим Гуансюй указал Эрлаю на свою невесту: она оказалась редкостной красавицей, но ей было уже тридцать пять – она была намного старше жениха. В узких кругах её почему-то называли Чёрная Жемчужина. На вопрос друга об её занятиях Гуансюй ответил, что она не работает – в этом нет необходимости. Разодета она была ужасно: на ней было многоярусное белое платье, стоящее огромных денег, повешанные на шею пять или шесть бус; на каждом её пальце было по дорогому перстню. На голове была обрамляющая её золотые длинные волосы алмазная диадема; глаза были пронзительно зелёные и проницательные. Несмотря на кричащий внешний вид, сразу было понятно, что эта девушка обладает шармом и даже магнетизмом; в ней было и другое редкое качество – хитрая утончённость: она никогда не говорила человеку всего, что она о нём действительно думала, и умело пользовалась этим. Проходя через залу, она не удостоила взглядом ни одного, кто хотел

подать ей руку: она знала, что все относятся к ней с восхищением и стремятся расположить её к себе лишь из-за положения её отца. Эта девушка получила прозвище «Чёрная Жемчужина» из-за пренебрежительного отношения к своему окружению: то, как она одевалась, было для неё подыгрыванием, наглой насмешкой над всем этим. Затем она подошла к отцу, который ничем не отличался от своих приближённых, и начала представлять ему Гуансюя как своего жениха; он сидел рядом очень довольный. Его невеста была отменным дипломатом – могла расположить к себе любого; она говорила с отцом вкрадчиво, воздействуя на него чуть ли не магически. Она натянуто улыбалась жениху, называла его «мой гений», но всё это было фальшиво; неужели Гуансюй не замечал этого? Но это, подумал Эрлай, личное дело друга, и решил его ни о чём не спрашивать. Юноша посмотрел на Мейхуня и на некоторых других известных личностей, которых представлял совсем не такими: их лица в специальных журналах были гораздо приятнее, и после чтения материалов о них складывалось другое, лучшее впечатление. Вскоре все уселись за общий стол; Эрлай скрылся в углу, как человек-невидимка. Уцзифей около часа в красках расписывала исключительность Гуансюя и ту работу, «Четыре добродетели», которую за него выполнил Эрлай, о чём, разумеется, никто не знал. Её жених даже покраснел. Абсолютно все присутствующие, хотя восемьдесят процентов из них в глаза не видели ни одной композиции Гуансюя, присоединились

к дочери Мейхуня и стали восхвалять Гуансюя до небес: он был потенциальным членом семьи их руководителя, от которого зависела их карьера, а с недавних пор и его заместителем. Смотреть на это было противно. По окончании банкета гости разбились на тройки и четвёрки и завели непристойные разговоры о том, о чём стыдно даже подумать. Разошлись все глубокой ночью. На улице Эрлай глубоко вдохнул в себя воздух: он чувствовал себя пьяным.

– Скажи мне, зачем ты привёл меня сюда? – обратился он к Гуансюю.

– По мне, так горькая правда лучше сладкой лжи, – отвечал друг. – Я думаю, тебе нужно оставить скульптуру. Эти «избранные», как мы до поры до времени их величаем, позволяют себе всё: они элита. В их сердцах умерли все ощущения, кроме снобизма. К кому-то слава пришла заслуженно, к кому-то – случайно, но она испортила их. Войдя в их общество, со временем ты станешь таким же. Я – другое дело; я прагматик, и работа для меня не то, что для тебя. Ты гораздо менее терпим, чем я, и гораздо принципиальнее. Ты не выдержишь.

– Но почему? – возразил Эрлай. – Мне же не обязательно ходить на эти собрания; от меня ничего не требуется, кроме работы, и меня это вполне устроит. Я же не останусь здесь на всю жизнь; но я хочу быть мастером своего дела – нужно с чего-то начинать. И потом, не все прославленные скульпторы такие?!

– Это крушение твоих идеалов, – вскрикнул Гуансюй, – но, к несчастью, всё именно так. Найди себе другое применение, ведь талантливый человек талантлив во всём! А не то пожалеешь!

– Ты не прав! – воскликнул в истерике Эрлай. – Не прав!!! В таком случае, не было бы столько музеев, галерей, художественных книг! Не было бы мировых, вечных шедевров! А то, что ты мне показал, – не правило, а исключение!

Домой Эрлай вернулся возбуждённый: он повздорил с другом. Он не мог понять, как нормальный порядочный молодой человек, Гуансюй, мог проработать с этими людьми целых пять лет; Эрлаю было невдомёк, из каких соображений Гуансюй женится на Уцзифей. Она тоже не выходила из его головы: Эрлай думал о ней, как о редком красивом цветке, что был с детства изуродован условиями, в которых ему довелось родиться и вырасти. С трудом юноша заснул.

Прошёл месяц. С самого утра Эрлай, как обычно, сидел в своём кабинете и ждал нового поручения. Работал он только на заказах; когда Мейхунь спрашивал его о собственных идеях, он качал головой, будто ничего не мог придумать. На самом же деле его мысли были просто опасны. Но выполненные Эрлаем копии и заказы Мейхунь считал самыми лучшими из работ его сотрудников и много платил за них. Но такая жизнь не удовлетворяла творца. К тому же он страдал от одиночества: в училище у него были хотя бы несколько приятелей; здесь же царила атмосфера взаимной зависти

и абсолютный формализм. Вопреки тому, что они стали коллегами, с Гуансюем Эрлай стал общаться гораздо реже; однажды на представлении Мейхунем одной из скульптур Эрлая Гуансюй очень неодобрительно посмотрел на друга. Или Эрлаю так показалось. Но, во всяком случае, Гуансюй иногда был внутренне недоволен тем, что Эрлай работает вместе с ним. И вот как раз он зашёл в его мастерскую.

– Что ты голову повесил? – спросил юношу друг. – Ты зря зарываешь свой талант в землю. Мне нравится твоя последняя работа, которую я видел у тебя в воскресенье. Тебе надо срочно организовывать выставку! Я могу поговорить с Мейхунем; он знает тебе цену и устроит всё в столице. Там народ утончённее и любознательнее. Тебе не нужно никуда ехать: мероприятие проведу я. Если проблема в духовной основе произведения, то я, естественно, об этом благоразумно промолчу. Кому нужно – тот поймёт. Соглашайся!

Несмотря на боязнь лишних вопросов о сюжете, Эрлай согласился. Выставка должна была состояться двадцать седьмого января, поздним вечером.

На следующий день Эрлай из-за пробок на дорогах приехал на работу с некоторым опозданием. Все мысли его были о прошедшей выставке. Гуансюй, конечно, ещё не вернулся. Вдруг Эрлая посетил один очень желчный и завистливый сотрудник; что удивительно, он приобрёл любимую газету Эрлая – «Полёт» и бросил её на стол, злорадно крикнув: «Мои поздравления!», и удалился. На первых же страницах красо-

вался жуткий заголовок: «Скульптор-сектант ОБЪЯВЛЯЕТ ВОЙНУ ГОСУДАРСТВУ». Ниже располагался следующий текст:

«Самым ярким и будоражающим умы событием этой недели в творческой жизни нашей страны стала выставка ранее неизвестного скульптора Эрлая Хунгми. Её провёл заместитель директора организации «Изящество и глубина» Гуансуй Чيونгку, и мы взяли у него интервью.

– Господин Чيونгку, можете ли Вы быть довольным успехом выставки Вашего коллеги и друга?

– Безусловно. Её посетило очень много людей искусства, чего именно я и добивался.

– Выставка понравилась людям?

– Нет.

– Как же Вы можете быть довольным?

– Это именно тот эффект, на который я и рассчитывал. Я дал обещание не разглашать ведущую идею творчества друга, но сделал это исключительно в правых целях. Итак, перейдём к самой экспозиции. Все её части изготовлены из глины разных оттенков, за исключением одной: это огромный кубок в три человеческих роста; выгравирован он из мрамора. На самом деле это так называемая Священная Чаша – аналог христианской Чаши Грааля, которую видят лишь единицы, что помогают страждущим, забывая о себе. С внешней стороны эта чаша расписана господином Хунгми: там изображена площадь примерно девятого века с де-

ревянной крепостью – кремлём. На ней стоит великое множество людей; на возвышении разожжён огромный костёр до небес. Очевидно, люди ожидают какого-то страшного зрелища. Но автор специально не завершил рисунок, чтобы скрыть свой замысел от непосвящённых. У основания чаши сделана надпись из чистого золота – четверостишие. Чтобы заказать это, господин Хунгми потратил значительные для себя средства. Надпись очень короткая: автор как бы боится разоблачения.

«Опасность не ищи в костре —
Сквозь страх ты верен будь себе.
Умей же трусость превозмочь —
Иначе людям не помочь».

Следующая часть произведения – слуга падишаха какой-то восточной страны. Он падает ниц перед тронном правителя; лицо слуги абсолютно жёлтое, и он в жёлтом платье. Позади него в разные стороны разбросаны два больших крыла, которые он, видимо, потерял. Причём частично эти крылья белые, а частично – чёрные. Видите ли, в ложном учении, сторонником которого является автор, жёлтый цвет обозначает трусость. Этот преклонивший колени слуга – весь наш народ; это мы, по мнению автора, из малодушия скрываем свою веру в это сектантское учение и трясёмся перед нашей великой властью, которую ненавидим. Чёрным цветом крыльев он хотел показать, что мы из-за этого очерняем свою душу; но мы-то знаем, что нет её вовсе! Ко-

стром он призывает быть верным этим ложным ценностям и не бояться даже казни. Дальше – хуже. Падишах на высоком троне сидит с белой тростью – это слепой. Он в длинном чёрном плаще. В этой секте чёрное отражает невежество. Да это же откровенная карикатура на нашу государственную власть: автор считает её взгляд на жизнь человека абсурдным и как бы показывает, что власть не видит и не слышит «истинно верующих». Рядом с государем стоит грубого телосложения палач, весь в красном; он замахнулся топором неведомо на кого. Это осмеяние судебной власти – красный символизирует ненависть.

– Мне всё понятно. Но как Хунгми пришла в голову идея придать это гласности?! Почему именно Вы провели эту выставку?

– Он не хотел огласки смысла и надеялся на появление тайных поклонников его творчества, которые бы поняли его суть. Промолчи я – и появились бы те, кто мог бы в любой момент поднять против власти мятеж. Я выдал его лишь потому, что это мой друг, и мне не хотелось бы его окончательного нравственного разложения; я отдаю его в руки правосудия».

Эрлай оторвался от чтения; он закрыл голову руками. Для него перевернулся мир.

– Господин Хунгми, – услышал он за своей спиной, – Вам нужно проехать с нами.

Эрлай не стал возражать: следователь понимал, что он ни

в чём не виноват, но по закону должен был наказать его. Он обещал лично найти для юноши самого лучшего адвоката и заплатить ему. Но шансы Эрлая были ничтожны: при самом благоприятном раскладе ему было обеспечено десять лет тюрьмы. Его отпустили под подписку о невыезде; суд должен был состояться через три недели.

Вернувшись домой, скульптор отрёшился от всего и с головой погрузился в работу: он наслаждался последними днями свободы – он знал, что в тюрьме ему не выжить. Вдруг раздался звонок в дверь; на пороге стоял Гуансюй.

– Впусти меня, – начал он, – и прости, если сможешь. Конечно, дружба между нами кончена. Я не знаю, что на меня нашло; может, я хотел отомстить тебе за свою же бездарность.

Гуансюй посмотрел на пол и обомлел: перед ним было изумрудное чудо – огромная вытянутая мужская ладонь длиной в пять метров, на которой стоял странный персонаж с каким-то плодом, похожим на персик. Рядом была высокая гора с цепями, к которой был прикован тот же герой. А затем Гуансюй увидел третью сцену: странник держал огромную книгу, сопоставимую с его ростом, и показывал её десяти людям, сидящим за столами. Всё это сверкало и переливалось.

– Я не держу на тебя зла, – сказал Эрлай, но Гуансюй его не услышал. «Что это?» – спросил он.

– Недавно один мой бывший однокурсник побывал за гра-

ницей и привёз оттуда древнекитайский роман о Сунь Уку-не, на нашем языке. Хотя это запрещённая литература, он сумел ввезти её в страну и дал почитать мне. Этот роман вдохновил меня; в нём главный герой преодолевает собственные амбиции и жажду увековечить себя, отправляясь к Будде за священными книгами. На этом пути он не раз побеждает зло. В первой сцене Сунь Укун изображён с персиком бессмертия. Он стремится выпрыгнуть из ладони Будды: тогда он станет Правителем Неба и обретёт бессмертие. Но это слишком гордому и самоуверенному герою не удаётся, и в наказание он на пятьсот лет прикован к этой горе. И лишь затем, освободившись и преодолев много препятствий, он привозит Книгу и читает те истины, что в ней, своему народу. Лишь идя к благородной цели, желая просвещать других, можно оставить вечную память о себе; герой обретает бессмертие. А его желание возвыситься привело лишь к его усмирению.

– Я хочу спасти тебя, – робко сказал Гуансюй, – и знаю, как это сделать. Отдай мне эту сказку, что ты вырезал из изумруда. Я сделаю её достоянием общественности и представлю себя её автором. Если любой другой в нашей стране представит скульптуры с подобным смыслом, его однозначно посадят в тюрьму, но я – другое дело. Мейхунь будет шокирован, но, во-первых, он прислушивается к моему профессиональному мнению, а во-вторых, я жених его дочери, которую он очень любит. Так что он будет категорически против

моего ареста. К тому же Мейхунь состоит в прекрасных отношениях с верховной властью: у него есть там близкие друзья. Мейхунь всегда сможет защитить меня, а потому мне ничто не угрожает. Он поговорит с ними, сделает так, чтобы они были не столь категоричны в отношении моего творчества. Возможно, Мейхуню удастся добиться того, что творчество с религиозным подтекстом будет по закону признано допустимым. То, за что тебя хотят осудить, как раз подходит под эту категорию. Если закон будет изменён, тебя оправдают и отпустят.

– Спасибо, сказал Эрлай, – но выполни одну мою просьбу. Расскажи посетителям о композиции так, как я тебе только что. Слово в слово.

Гуансюй легко пошёл на это, и буквально на днях произведение было представлено публике. Вскоре ранним утром Эрлай отправился к ближайшему киоску, чтобы купить свой любимый «Полёт». Он светился изнутри, но вовсе не надеялся на освобождение: он очень сомневался, что Гуансюй повлияет на мнение Мейхуня, а тот, в свою очередь, переубедит представителей государственной власти. Эрлаю было радостно оттого, что его мысли станут частью души других людей, и они задумаются о том же, что и он: дело уже было сделано, и больше не было для Эрлая причины бояться себя. Но когда он открыл газету, он был поражён: смысл его произведения был страшно искажён. Плод в руке Сунь Укуна, по словам Гуансюя, обозначал уверенность героя в дости-

жении успеха; рука Будды была представлена как жизнь героя, «которую он умеет планировать, и она у него как на ладони». Гора якобы символизировала препятствия на пути к цели, а книгу герой якобы показывал своим родным детям, ведь она содержала секрет богатства и известности. Гуансюя в конце называли «новой звездой на скульптурном небосклоне».

Эрлай порвал газету; он плакал каждый день и успокоиться не мог. Он не знал, как пережить повторное предательство человека, которого он простил, так как по-прежнему считал своим другом. Вдобавок приближался суд, и дни тянулись для юноши всё труднее и медленнее. Чтобы развеяться, он отправился в парк; он сидел там совершенно один, но вдруг услышал громкий женский голос: «Эрлай!!!» Очень удивлённый, юноша отправился к выходу. На него смотрела Уцзифей – такая же прекрасная, как в день помолвки с Гуансюем, но в то же время – какая-то другая.

– С Гуансюем всё кончено, – прошептала она, – я развернулась и ушла, когда сказала ему всё прямо в лицо. А Сунь Укун чудесен. Вот только почему ты должен так страдать?! Я люблю тебя.

После этих слов Эрлай поцеловал её, чего до этого момента не сделал бы никогда. Девушка пошла домой вместе с ним; они провели неразлучно трое суток – она даже не появлялась дома. Эрлаю казалось, что в ней не было прежней фальши и актёрской игры: она была с ним совершенно искренней.

Эрлаю думалось, что она страдала из-за его несчастья гораздо сильнее, чем он сам; он полюбил именно такую Уцзифей, какой она была на самом деле. На четвёртый день они всё-таки расстались – Уцзифей поехала к родителям и обещала вскоре позвонить. Но на следующий же день Эрлай понял, что очень соскучился, и отправился к ней домой. Он позвонил в звонок, но тут его буквально оглушили громкие голоса в квартире – Уцзифей и её отца. Юноша услышал то, чего никак не ожидал услышать.

– Как ты могла порвать с Гуансюем! – с надрывом кричал Мейхунь. – У вас же всё отлично складывалось! Ты подставила меня: между прочим, он собрался уволиться с работы! Где я найду такого исполнителя, как он?!

– Ничего, невелика птица. Ты знаешь, что не он автор Сунь Укуна?

– А кто же, по-твоему?!

– Эрлай.

– Откуда тебе об этом известно?!

– Неважно; важно то, что я встречаюсь с ним. Мы признались друг другу в любви. Я поддерживаю его, и ему стало гораздо легче. Я хочу его освобождения.

– Даже не рассчитывай на то, что я буду выгораживать его на суде! – взревел Мейхунь. – Мне ещё дорога моя репутация.

– От тебя ничего не требуется; я заставлю его отказаться от своей веры и своих взглядов в искусстве. Он послушает

меня, и когда он публично произнесёт это в зале суда, его освободят. Я уже серьёзно влияю на него; под моим воздействием он будет изготавливать то, что в нашем обществе поощряется, а не порицается, и он добьётся огромных высот.

– Но зачем тебе жизнь с этим чудаком, когда у тебя такой отец, как я? – недоумевал Мейхунь.

– Вам, мужчинам, явно недостаёт интуиции: в людях вы разбираетесь плоховато. Я ничего не понимаю в ваших творческих порывах и вздохах, но знаю, что реакция масс на то или иное событие всегда очень показательна. Сунь Укун был всеми воспринят на «ура», разве не так? Да что там и говорить: он гений. То, к чему ты шёл, папа, долгие годы, для него вопрос двух-трёх лет. Тебе и представить трудно, что такое стать женой гения! Это не сравнимо ни с какими деньгами. Ах, как обо мне начнут писать! А как живо обсуждать! – Уцзифей развязно расхохоталась. – А я смогу воспользоваться этим, смогу!!!

Тут Эрлай позвонил ещё раз, и Уцзифей вмиг прекратила хохот и осторожно пошла открывать. В глазах у юноши потемнело – он чуть не упал без чувств; но, увидев её, он, сдерживая слёзы, сказал, что больше не хочет её видеть, и скрылся в лестничном пролёте. Она кричала и звала, побежала вниз – но не догнала. Жизнь для Эрлая померкла в тот страшный день.

За день до суда Эрлай вышел на улицу без какой-то конкретной цели; он свернул в тёмный переулок и больше не со-

знавал, где он. Очнулся юноша через неопределённое время в помещении, которое было ему знакомо: это оказалась квартира Мейхуня. Всюду были осколки разбитой посуды: кто-то учинил здесь неслыханный погром. Над Эрлаем склонился странный человек в белом халате.

– Кто Вы? – спросил Эрлай.

– Я сотрудник психиатрической клиники, – был ответ.

– Как я сюда попал, и что здесь произошло? Кто это сделал?

– Вы.

– Я?! Не может быть! Позовите господина Мейхуня. Где он?!

– Он сейчас спит; вообще сейчас его лучше не трогать, особенно Вам.

– Это ещё почему?! Что всё это значит?!

– А Вы не помните, зачем сюда приходили?

– Я не приходил сюда.

– Господин Мейхунь отмечал свой семидесятилетний юбилей, и Вы вошли сюда незаметно вместе с одним из приглашённых. Здесь собралось много народу, и Вам удалось незаметно прокрасться через гостиную в спальню; там была женщина. Вы задушили её – она умерла. Потом Вы с бешеными глазами ворвались обратно в гостиную и стали разбрасывать предметы, колотить посуду, пока не приехали мы и не сделали Вам укол.

– Какая женщина?! Я никого не убивал!!! – кричал юноша

в ужасе.

– Дочь господина Мейхуня, – сказал врач и открыл перед Эрлаем дверь спальни.

На кровати лежала Уцзифей: она показалась юноше особенно прекрасной. Эрлай был уверен, что она спала; он начал трясти её, бить по холодному лицу, чтобы она проснулась; он даже пытался вдохнуть в неё воздух. Когда Эрлай понял, что всё бесполезно, он стал кричать, что ненавидит себя, и колотить себя в грудь. Он понял, что серьёзно болен, но остановиться был не в силах. Тут подошли двое мужчин и повели его куда-то; какое-то время Эрлай сопротивлялся, но потом впал в беспамятство – на долгие годы.

Часть 2. Шоучжень

Прошло тридцать пять лет, и многое в стране переменялось: произошёл переворот, и после него все превратились из убеждённых атеистов в «пламенно религиозных»; стало модно выставлять это напоказ, ходить в храм целыми семьями и при случае поучать других. Это было смешным подражанием верхам общества, в котором на самом деле не было и доли истины. Приближалось Рождество – праздник, который в последнее время отмечался особенно напыщенно; все двинулись на службу, изображая верующих, чтобы соседи и друзья не сказали о них плохо. Отправился туда и двадцативосьмилетний журналист Шоучжень. Шоучжень писал статьи по истории христианских соборов и монастырей, статьи о паломничествах, знакомился с людьми-отшельниками и рассказывал об их жизни. Он действительно любил своё дело, хотя никогда не считал и не называл себя истинно духовным человеком. В ту ночь он собирался брать интервью у духовного лидера страны – двадцативосьмилетней Цзюго Нуронг. Она происходила из семьи настоящих праведников: её отец тоже раньше занимал этот пост, а мать руководила приютом для инвалидов и бездомных, и занималась этим до сих пор. Шоучжени тянуло ко всему возвышенному, и Цзюго Нуронг он считал эталоном в духовном плане; его ожидания подтвердились, когда он впервые увидел её не по телевизору.

Она больше походила на ангела, а не на человека: духовный лидер была очень невысокой – около ста сорока сантиметров; у неё были белые кудри и чистые голубые глаза. Всё богослужение она говорила и пела своим очень высоким голосом, который всем проникал в душу. Так получилось, что интервью, которое молодой человек брал у неё по долгу службы, переросло в более серьёзное знакомство: она рассказывала ему о прекрасных отце и матери, об их семейных традициях; Шоучжень думал о том, как же ему, среднему человеку, далеко до такой преданности вере. Со временем, когда у Цзюго находилось свободное время, они стали общаться. Каждый раз она рассказывала Шоучженю о том, что наблюдала ежедневно: как люди один на один рассказывали ей о своих грехах. Жизненные ситуации были разными, но эти люди не совершали ничего ужасного: конечно, иногда они были резкими, нечестными, критиковали других, сомневались в том, что есть вечная жизнь. Цзюго прощала их, но всякий раз необыкновенно возмущалась их, в общем-то, обыкновенным поступкам. Шоучжень каждый раз думал о том, какой же она неиспорченный и чистый человек.

Несколько месяцев спустя Цзюго стала для Шоучжениа духовным наставником: он доверял её мнению во всём больше, чем своему. Она говорила много хорошего о своей семье, и Шоучжень стал просить её о встрече с этими людьми; она с радостью согласилась. Но в тот день Цзюго из-за занятости не смогла пойти домой вместе с Шоучженем, и он отпра-

вился туда один. Жили они очень скромно. Нуронг-старшая оказалась милой и обаятельной дамой сорока восьми лет. У неё было редкое иностранное имя – Фемида. Мужа дома не было – он уехал по делам в другой город. Фемида была отменной хозяйкой – угостила гостя всякими вкусностями. За это время Шоучжень рассказал немного о себе, но затем хозяйка дома перевела беседу совсем в другое русло.

– Дочь, наверное, обо мне много красивых слов наговорила, – сказала она, – но Вы ей не верьте. Мне почему-то не хочется перед Вами ничего изображать; я хочу, чтобы Вы знали правду. Как Вы считаете, в течение моей жизни к скольким людям я была действительно равнодушна?

– Я думаю, что таких людей у Вас было много, – улыбнулся Шоучжень, – несколько миллионов – точно.

– Как же Вы ошиблись! – воскликнула Фемида. – Вы второй такой человек в моей жизни. А первым был вовсе не мой муж, и даже не Цзюго.

– Своеобразное у Вас чувство юмора, – сказал Шоучжень, – и как прикажете понимать?

Но женщина ответила совершенно серьёзно: «Будет лучше, если я открою Вам глаза; Вы удивительно наивны, Шоучжень. Это второй такой случай, который я знаю. Вы спрашивали меня про моё имя. Так вот, дала мне его моя мама. Мои родители были удивительно светлыми людьми: таких ещё называют источником любви и добра. Это они основали приют, которым я сейчас руковожу, и управляли им сов-

местно. Мама всегда желала мне всего самого лучшего; она назвала меня в честь Фемиды, матери Ахиллеса – согласно легенде, великого героя и борца со злом. Она хотела, чтобы я выросла самодостаточной и яркой индивидуальностью. Но этим планам не суждено было сбыться. По натуре я эгоистка, которая не может жить без похвал и одобрения. Это стало проявляться ещё в детстве. Родители хотели, чтобы я попробовала себя везде, и в пять лет отдали меня в художественную гимнастику. Тренер заметила, что у меня есть данные, и взяла меня сразу же. Но в восемь лет она попросила забрать меня из секции, и так и сказала моей маме: «У вашей дочери ПОЛНОСТЬЮ отсутствует характер». Для меня это была вселенская катастрофа: все эгоисты пытаются понравиться, продемонстрировать силу характера, которой у них на самом деле нет, считают себя сильными личностями и хотят быть первыми лишь за то, что они существуют. Так было и со мной. Я стала симулировать болезнь: мне хотелось привлечь внимание родителей, чтобы они попрыгали вокруг меня, как зайцы. Потом мама записала меня в балетную школу: мне нравился не сам балет, а та доза восхищения и аплодисментов, которую получаешь, когда станцуешь заглавную партию. Моя женственность и умение себя подать помогли мне попасть в школу. Но в четырнадцать я бросила балет, потому что в первом нашем спектакле главную партию танцевала не я. Я опять устроила истерику. Упала и моя популярность среди одноклассников: раньше я врала им с три ко-

роба, про воображаемые успехи в балете, а теперь пришлось признаться в этом и рассказать всё как было. Я стала никому не нужна: я не представляла из себя ничего особенного. К тому же мне никогда не было дела до чужих радостей и проблем; я была эгоистка, и все это знали. Мне было трудно жить без хотя бы мнимого превосходства, и я начала увлекаться разными успокоительными, потому что каждую ситуацию я стала воспринимать как тест на собственную значимость. К восемнадцати годам я стала очень нервной и чувствовала себя совершенно никчёмной. О будущей профессии я и не задумывалась. Однажды за ужином папа деловым тоном пригласил меня помочь им с мамой в приюте – разобраться кое с какими документами постояльцев. Я тогда ничего в этом не понимала, просто папа помог мне почувствовать свою значимость и приобщил меня к делу. К двадцати годам я в нём освоилась, и мои родители, ещё полные сил, отошли на второй план, предоставив мне руководство; парадокс, но эгоисты страсть как любят быть лидерами без особой самоотдачи. Я хорошо помню мой первый рабочий день и то, что заставило меня остаться в приюте. Это был двухлетний глухонемой ребёнок. Я почувствовала совсем не то, что вы думаете: никакого сострадания или желания помочь! Я поистине наслаждалась его убожеством и бессловесностью: нравилось, что мне дано больше него во всех отношениях. Это чувство до сих пор удерживает меня на работе: я радуюсь каждый раз, глядя на таких людей, ведь у меня есть пре-

имущества хотя бы по сравнению с ними! Когда кто-то обсуждает, каким благородным делом я занимаюсь, я расплываюсь в улыбке из-за своего тщеславия. Другое я испытывала лишь один раз – в двадцать лет. Он в прошлом был скульптором; его звали Эрлай. Он провёл семь лет в психиатрической клинике, а теперь практически выздоровел, и наш центр должен был помочь ему адаптироваться к жизни. Он был истинно верующим, каких у нас сейчас почти нет, и имел большой талант. Но государственная система того времени сломала его. Человек, которому он верил, предал его. Более того, Эрлай задушил свою любимую женщину: он узнал, что она хотела заставить его отказаться от веры, чтобы потом просто использовать. Общество и близкие люди довели его до сумасшествия и этого убийства, но почему-то он винил во всём себя. Наблюдая за мной, он говорил мне, что считает меня человеком с самой доброй душой и самым высоким уровнем сознания, которого он когда-либо встречал. Он влюбился в меня как в идеал человечности: он и представить себе не мог, что руководило мной во время так называемой заботы о немощных людях. Он говорил, что никогда бы так не смог, а между тем я была гораздо менее порядочна, чем девушка, которую он задушил. Я восхищалась его чистыми помыслами и идеализмом, я не испытывала к нему уже привычного презрения. Это была моя первая и последняя любовь; чтобы разбудить душу такой конченной эгоистки, как я, нужен именно такой человек, как Эрлай. Вы напомнили мне

его, Шоучжень. Конечно, у меня характера не хватило признаться в том, насколько я далека от совершенства, за которое он меня принимал. Отношения наши были странными: утром он бросался в мои объятия, целовал мне руки, а вечером утверждал, что разрушит мою жизнь, если мы будем вместе: он считал, что не контролирует себя и может в любой момент расправиться со мной, как с той женщиной, потому что психически болен; он называл себя «больным недочеловеком», «отжившим своё разложившимся трупом». Он просил, чтобы я оттолкнула его, когда он снова придёт ко мне; любовь была в нём сильнее всего, и он приходил снова и снова несмотря на то, что чувствовал себя ущербным и не достойным меня. Он говорил: «Я не имею права даже прикасаться к тебе своими грязными руками». Когда Эрлай только поступил к нам из больницы, мне сообщили, что первые пять лет он не понимал даже, кто он, но при этом у него присутствовала маниакальная ненависть к себе: он мог избить или порезать себя, чтобы причинить себе страдания и наказать себя за то, что он сделал – за то убийство. Когда я спросила, жив ли кто-нибудь из его родных, он со слезами на глазах стал рассказывать об отце и матери. Эрлай попросил моих помощников съездить в его родное селение и связаться с ними. Когда мнимый друг устроил всё так, чтобы Эрлая посадили в тюрьму, дожидаясь заключения, он перестал отвечать на звонки родителей и скрывался от них: для всего селения он был гордостью и отрадой, и родители вряд ли перенес-

ли бы такое – узнать это было бы для них слишком больно. Он думал, что в тюрьме его жизнь оборвётся. Так вот, когда мои помощники вернулись из той глухой деревни, они привезли с собой какого-то старика. Он был соседом Эрлая в селе и помнил его маленьким мальчиком. Около года назад там свирепствовала лихорадка – она погубила сто восемьдесят из двухсот десяти местных жителей; среди них были родители Эрлая и какой-то дедушка Чунсань. Родителям Эрлая было тогда чуть больше пятидесяти; он говорил, что в своё время очень хорошо зарабатывал и мог себе позволить обеспечивать их. Он не раз предлагал им переехать в город и начать нормальную для большинства жизнь, но они остались на малой родине. Эти люди чтили обычаи, что передавались из поколения в поколение: они не мыслили своей жизни без изнурительного физического труда, который сократил их годы. Последней фразой того деревенского жителя, с которым нам удалось связаться, были слова «Погибает наша деревня!» и горькие слёзы.

Узнав о смерти Чунсаня, Эрлай твёрдо решил ехать к нему на могилу. Через несколько дней он вернулся, и я стала спрашивать, кем ему приходился этот Чунсань. Я помню его ответ так ясно, как будто мы говорили с ним только что. Эрлай сказал: «Он мой второй отец: именно он сформировал мою личность, научил меня правде, в которой я ни разу не усомнился и от которой не отказался. За это я заплатился. Но то, чему он научил меня, прекрасно, а то, кем

я стал, – результат моей слабости, сумасшедшего характера и чрезмерной тонкокожести».

В то время мой приют находился на юге – в моём родном городе. Его очень часто посещал мой муж – он тоже оттуда родом. Так мы и познакомились. Уже тогда он занимал высокий церковный чин: приближались выборы главы Церкви здесь, в столице, и ему, провинциалу, очень хотелось занять это место. Тогда в среде духовенства вспыхнула волна недовольства среди тех, кто требовал сделать обет безбрачия для высших чинов необязательным. Таких людей оказалось большинство, и вскоре это стало официально разрешено. При голосовании отдавали предпочтение тем, кто жертвовал деньги на благотворительные цели, как мой муж; но он делал это лишь для пиара, одобрения людей своей сферы и потому, что ему позволял кошелёк. Когда мы поженились, он признался, что вообще ни во что не верит. Но Эрлай-то думал, что всё от души, из самого сердца; в стране только сменилась власть, и Эрлай всерьёз верил в её духовность и полагал, что скоро страна расцветёт, ведь теперь она под мудрым руководством.

Однажды мы с Эрлаем сидели в комнате одни. Вдруг к нам без стука вошёл мой на тот момент будущий муж и бросил на стол мятое письмо – его он нашёл в своём кармане. Он потребовал от Эрлая объяснений – что это. Я сохранила письмо и сейчас принесу его».

Фемида принесла изъеденный годами листок тетрадной

бумаги и прочла: «Дорогой отец Нуронг! Я не указываю своего имени, потому что Вам негоже тратить своё время на такое опустившееся ничтожество, как я. Дело в том, что я люблю Фемиду. Это удивительно сострадательная и милосердная девушка: другой такой нет. Ей трудно найти человека, равного ей по моральным качествам; я знаю одного такого – это Вы. С ней вы станете единым целым и обретёте счастье. Я же, увы, не могу быть вместе с ней: я наполовину ненормальный, да ещё и убийца. Я убил женщину, которую любил больше, чем кого-либо, до Фемиды. Прислушайтесь, пожалуйста, к моим словам».

Фемида продолжила: «Мой муж выследил, кто настойчиво подкладывал ему подобные послания. Конечно, письмо Эрлая очень наивно; возможно, дело в том, что он мучился от любви ко мне и ещё не до конца оправился от своего психического заболевания. Я сказала Эрлаю, что люблю его, а также что подобные письма нелепы и ими он только унижает себя. Я добавила, что обязательно помогу ему избавиться от гнетущих воспоминаний из прежней жизни и не брошу его. Когда мой муж догадался, что автор письма – Эрлай, он заявил нам, что не намерен дальше общаться с такими „отбросами общества“, как мы с Эрлаем, и что мы вполне подходим друг другу – оба убогие, а он, Джуай Нуронг, без пяти минут глава Церкви, больше не намерен тратить на нас своё время. Он без какого-либо повода оскорбил меня, и тогда Эрлай набросился на него: мой муж был совсем не тем, за ко-

го выдавал себя всё время, и для Эрлая это была страшная догадка. Он бился в истерике несколько дней подряд. Но через неделю муж кардинально изменил ход действий: забыв об оскорблении, он вдруг стал предлагать мне руку и сердце. Наш разговор услышал Эрлай. Перед этим он случайно подслушал беседу мужа с приятелем о том, что если Джуай хочет занять пост главы Церкви, то ему не помешает женитьба на директоре приюта для бездомных и инвалидов – на мне. Это как бы подчеркнёт его заботу о людях из низших слоёв общества и поднимет его в глазах нашего духовенства. К тому же своей свадьбой он поддержит отмену обета безбрачия, что также понравится многим в его среде. Следовательно, за него проголосуют очень многие. Увидев, как Джуай предлагает мне стать его женой, Эрлай раскрыл для меня все карты мужа. Тогда мне стало ясно, почему Нуронг так неожиданно стал со мной добр и ласков. Я отказалась от его предложения, и тогда муж стал шантажировать меня: не стань я его супругой – и он лишил бы меня моей работы, закрыл бы приют. У него были связи. Потерять работу всегда значило и значит для меня потерять чувство какой-никакой состоятельности в жизни, и я согласилась на брак. Когда я попыталась объяснить Эрлаю, что выхожу за другого из-за шантажа, он ответил, что, увы, серьёзно ошибся в человеке уже третий раз в жизни, и прогнал меня с глаз долой. У него снова произошёл срыв, и он вернулся в психиатрическую клинику. Я не знаю, где он и что с ним сейчас, но он единственный,

кроме меня самой, о ком я изредка думаю и переживаю – я эгоистка до мозга костей. Уже выйдя замуж, я ждала ребёнка от Эрлая: Цзюго – его дочь. Мужу я ничего не сказала: хотя он женился на мне исключительно из карьерных соображений, чтобы использовать удачный для себя момент, он настолько не любил детей, что никогда бы не стал воспитывать чужого ребёнка. Я обманула мужа, вместе с ним переехала в столицу и перенесла сюда своё заведение. Муж занял долгожданную должность. – Фемида сделала паузу. – Шоучжень, я хочу предостеречь Вас от ошибок относительно моей дочери. Я бесхарактерная; но по закону того, что в мире существует равновесие, моя дочь унаследовала тройную дозу характера. Она ещё более жестока, чем её отец, хотя по внешнему облику этого не скажешь никогда. Она ни перед чем не остановится для своей цели: она способна манипулировать людьми, как марионетками. Ломаю голову, но не пойму: каким человеком быть всё же хуже – безвольным или жестоким? Наверное, жестоким».

Тут Шоучжень не выдержал.

– Замолчите, – сказал он, – и послушайте меня: Вы никогда не любили Вашего Эрлая. Если бы любили, то не бросили бы его в таком состоянии, несмотря на любые угрозы. Таким, как Вы – тем, кто при общении с инвалидами испытывает извращённое наслаждение, нужно держаться от них за километры. Если бы Вы хотя бы немного уважали себя и у Вас были бы какие-то ценности, Вы бы с этой работы сра-

зу ушли. Ну надо же! Оказывается, есть матери, которые испытывают зависть к родным детям и готовы распускать о них грязные слухи! Я не поверю Вам. Вообще, кто Вы такая, чтобы судить Цзюго, плести про неё неизвестно что?! Вы не достигли уровня Вашей дочери ни в чём. Я не хочу иметь с Вами ничего общего; прощайте! – сказал Шоучжень и ушёл, хлопнув дверью.

Разговор был в конце февраля; но уже в начале апреля в сердце Шоучжэня закрались сомнения – вдруг Фемида не хотела оклеветать дочь, а лишь стремилась показать Шоучжэню реальную картину. После того, что увидел юноша, его представления о Цзюго начали постепенно переворачиваться с ног на голову.

Однажды утром Шоучжень отправился в Центральный Храм – место, где Цзюго встречала и выслушивала прихожан. Почему-то в храме было пусто; спиной к Шоучжэню стоял единственный посетитель – мужчина. Когда он обернулся, выяснилось, что это бизнесмен, имя которого слишком известно, чтобы упоминать его. Он первым начал разговор с духовным лидером, и Шоучжень не стал обращать на себя внимание и решил не мешать им.

– Я знаю силу Вашей веры, – обратился он к Цзюго, – и именно поэтому выбрал Вас. Это звучит странно, но я не имел права когда-то выбирать бизнес. Потому что я из тех людей, в ком практичность оказывается сильнее морали и совести. На мне страшный грех: я убил человека, представи-

теля фирмы-конкурента. Я не знал себя до конца; но никто из нас не рискнёт предположить, что способен на такое, и очень зря. Я прошу Вас, помолитесь за меня. Теперь я, разумеется, из бизнеса уйду. Мы не могли бы ещё немного поговорить о том, что меня мучает, о моей жизни? Только чтобы это осталось между нами.

– Только на определённых условиях, – ответила Цзюго, – Вы человек далеко не последний в городе, и если Вы хотите, чтобы я потратила на Вас время и силы, мне требуется вознаграждение. Около полумиллиона Вас устроит?

– Что? – спросил посетитель и резко отступил назад.

– Вы совершили тяжкий грех, и отмолить его мне будет непросто. Это тоже труд, и Вы должны заплатить мне.

Ничего не ответив, бизнесмен быстро, буквально бегом, устремился к выходу.

– А у Вас, оказывается, есть голова на плечах! – от прежней серьёзности Цзюго не осталось и следа. – Плохого я мнения была о деловых людях. Думала, все вы недалёкие и привыкли мыслить только товарно-денежными категориями. Не раз и не два подкупала таких, как Вы, тем, что чем больше они заплатят за молитву о себе, тем выше будет эффективность. И они верили! Выходит, не всех богатеньких можно вот так поймать на удочку!

Шоучжень стоял в дверях; он тут же выскочил на улицу, пока Цзюго не повернула голову. Это настолько рушило привычный портрет Цзюго, что он стал думать: не померещи-

лось ли ему, не бред ли всё это. Осмыслить это Шоучжень был не в силах; он шёл куда-то по улицам в состоянии транса, врезаясь в людей и в предметы. Пришёл в себя он почему-то у приюта, где работала Фемида. Шоучжень решил, что ноги, не управляемые головой, неслучайно привели его сюда: как бы противно ему ни было беседовать с Фемидой после того, как он узнал её нутро, он хотел поговорить с ней о Цзюго. Он зря не дослушал её до конца в тот день.

Шоучжень поднялся на верхний этаж – в директорскую приёмную. Фемида была занята; но тут его взгляд остановила бледная хрупкая девушка со шваброй: она мыла пол. Она предупредила, что подождать Шоучженю придётся довольно долго. Девушка пригласила Шоучжению присесть за столик и вскипятила чай. Они разговорились; девушку звали Сакура. Шоучжень хотел задать ей вопрос, но боялся, что им оскорбит девушку или ей будет неприятно; он не понимал, что заставило её заниматься здесь целыми днями тяжёлой физической работой.

– Давно Вы здесь работаете? – всё-таки решился Шоучжень.

– Нет, недавно, – ответила она.

– А почему же именно здесь?

– Здесь много детей. Мне очень радостно, когда они рядом, и им тоже.

– Но почему бы Вам тогда не устроиться, например, в детский сад нянечкой? – спросил он как можно осторожнее.

– Так сложилось, что путь на другую работу мне закрыт, – ответила Сакура. – Это самое лучшее из всего, что я могла выбрать.

Шоучжень сразу ощутил, что это для неё болезненная тема. Он любил приглядываться к людям и делать предположения: кто этот человек по своей сути, по роду занятий, жизненной позиции? Он знал, что мог ошибаться, как в случае с Фемидой. Но эта девушка сразу стала ему интересна – она казалась какой-то загадочной, и Шоучжень решил провести над ней небольшой эксперимент.

– Как Вы относитесь к психологическим тестам? – спросил Шоучжень.

– Попадаются правдивые, – сказала девушка.

– Можно, я предложу Вам один – на ассоциации?

– Конечно.

– Я буду называть Вам цвет двери. Вы должны будете подробно описать, что и кого Вы видите за дверью, свободное ли там пространство. Мне нужно первое, что придёт Вам в голову. Хорошо?

– Да.

– Зелёная дверь.

– Я вижу праздничную улицу; на ней много людей. Я обнимаю, целую их. Мы водим хоровод, нам весело вместе.

– А что за синей дверью?

– За синей дверью – Синяя птица, много птиц, бабочек; зелёный луг, лето. Кажется, что я летаю, вдыхаю чистый воз-

дух. Рядом много маленьких детей: мы играем с ними.

– А что Вы видите за белой дверью?

– Я будто в тумане. Мне как-то спокойно, и я очень счастлива. Я вижу большое, чистое озеро. Вижу в нём своё отражение. Рядом никого нет, но я чувствую присутствие близких людей: их уже нет в живых, но они охраняют меня. Потом туман рассеивает яркий-яркий свет, и я вижу их лица.

– Теперь представьте красную дверь.

– Красную? Что-то не получается.

– А Вы постарайтесь.

Сакура думала долго – минуты три-четыре, а потом сказала: «Знаете, я представила красную дверь, но мне как-то не хочется её открывать. Я достаю ключ, но он заедает. Мне кажется, что там меня никто не ждёт».

– Последний вопрос: что за дверью сиреневого цвета?

– Сиреневого? Театр. Я сижу в огромном зале. Открывается сиреневый занавес, выходят актёры. Звучит чудесная музыка. Спектакль о любви; он так нравится мне!

– А рядом с Вами есть люди?

– Людей почему-то нет, и это странно для меня.

– Всё. Вот такой тест. За какой из дверей Вам было лучше всего находиться?

– За сиреновой. Расшифруете тест?

– Вы необычная личность. Зелёный цвет – это то, что для Вас дружба. Вы относитесь к единицам, которые считают друзьями всех без исключения; Вы слишком простодушны,

и Вас легко обмануть. Синий цвет – это ассоциации с детством. Белый – мысли человека о смерти. Вы, наверное, верующая; Вы ожидаете чего-то светлого. Красный – это амбиции, честолюбие. Вас это не привлекает. Более того, Вы считаете себя неудачницей, неспособной чего-либо добиться: это неправильно. А сиреневый цвет – отношение к религии и мистике. Вера – Ваше счастье. То, что в зале Вы сидели одна, означает, что в своих взглядах и вере Вы абсолютно одиноки. Вас не понимают.

Сакура отметила, что всё сказанное Шоучженем – прямо в точку; у неё заканчивалась смена. Шоучжень забыл о цели своего визита; он попросил у девушки разрешения проводить её к автобусной остановке. Юноша начал рассказывать ей историю одного православного монастыря, о котором только собирался написать, но его спутница обладало гораздо большими сведениями в этом вопросе, чем сам Шоучжень. Это касалось всех религиозных вопросов в принципе. Сакура не могла быть просто уборщицей, любящей детей: вероятно, она не хотела чего-то говорить о себе – в ней было много таинственности. И ещё кое-что: когда девушка думала, что Шоучжень на неё не смотрит, в её улыбке всегда был оттенок лёгкой непреходящей грусти. Даже когда она рассказывала что-то смешное, её глаза были печальны. Что-то здесь было не так.

Когда Сакура села в автобус, Шоучжень понял, что хотел бы связать с этой девушкой всю свою жизнь. Но тут его

почему-то остановила мысль о Цзюго: внутренний голос говорил ему, что, женившись на Сакуре, он предаст её. Это было неправильно: юноше казалось, что он любил Цзюго только как духовного наставника, тем более что она по своей воле дала необязательный обет безбрачия. Но он подумал, что не только любит Сакуру, но ещё и абсолютно ей верит: если бы Цзюго выдавала одну теорию за абсолютную истину, а Сакура – другую, то он поверил бы Сакуре! «Стоп!» – сказал себе Шоучжень. У него не было никакого права так рассуждать и проводить параллели между духовностью Цзюго и чьей-то ещё. Тем более – девушки, которую он знал меньше часа! Но вдруг Шоучжень вспомнил об утреннем случае в храме. Что же это было – недоразумение? Он что-то понял не так? Или это правда? Разум твердил, что это суровая действительность, но юноша не хотел в неё верить. Не хотел перечеркнуть её светлый образ навсегда. «А что, если испытать Цзюго так же, как и Сакуру? С помощью теста?» – подумал он. – «И узнать кое-что очень важное».

Шоучжень так и поступил; Цзюго очень долго отказывалась, потому что считала эти тесты глупым развлечением для бездельников. Но Шоучжень был настойчив, и она уступила ему.

– Представь себе белую дверь, – начал он, – что ты видишь за ней?

– Темноту. Какие-то страшные звуки. Ко мне подбирается змея-анаконда. Она душит меня. Я пытаюсь кричать, но го-

лоса нет. Мне больно. Мучительно больно.

– А что за красной дверью?

– За красной? Много народу, все сидят за большим столом; поднимают бокалы и говорят тосты за меня.

– А теперь представь фиолетовую дверь.

– Фиолетовую? Да такой и нет нигде!

– Попробуй!

– Да сказала же – не могу! – непривычно резко для себя ответила Цзюго.

– Ну ладно. А что за синей дверью?

– Там... девочка.

– Какая девочка?

– Отстань от меня со своими идиотскими вопросами! – взорвалась Цзюго. – Какая разница!

Взгляд Цзюго стал таким, как будто она отбивалась от вооружённого нападения: в её глазах были одновременно страх и агрессия. Шоучженю казалось, что она вот-вот вцепится в него зубами. Она выпалила эту фразу голосом другого человека – жёсткого и грубого. Но через несколько секунд агрессия в глазах сменилась слезами.

– Мне стыдно перед тобой, – сказала она своим новым голосом.

– За что?! – воскликнул Шоучжень.

– За то, что я не соответствую твоему идеальному образу, и никогда даже не приближусь к нему.

– С тобой всё в порядке?! Какой ещё идеальный образ?

– Я абсолютно бездуховный человек. Услышь меня. БЕЗДУХОВНЫЙ!!!

– Как?! Ты не веришь в Бога?!

– Религия и духовность – не одно и то же, хотя почти все считают, что одно невозможно без другого. И это естественно, ведь они нормальные люди. А я, например, очень рано научилась прикрывать религией своё истинное лицо. Всерьёз задумалась об этом совсем недавно – когда в моей жизни появился ты. Я ни в чём не уверена и ничего не знаю. Но в последнее время мне кажется, что там что-то есть. Если это так, то там меня будет душить анаконда. Или рвать хищные звери. Или пожирать пламя – потому что я бездуховна. Но ты, Шоучжень, для меня – всё. И мне так хочется стать хотя бы немного похожей на то, что ты видишь сквозь розовые очки. Их ты скоро снимешь. Миллионы людей в нашей стране тоже в розовых очках, и меня это вполне устраивает. Я обманываю безумное количество людей каждый день. Знаешь, почему? Потому что они уверены в моей непогрешимости!!! – Она понизила голос. – Я ведь до тебя никогда не любила! Никогда!!! Даже своих родителей.

– Но почему? – чуть слышно вымолвил Шоучжень.

– Моя семья – это деловой союз, где все преследуют одну цель – быть хорошими в глазах масс. Никакой любви там нет и не может быть. Ну с чего бы мне любить отца? Мы с ним сделаны из одного теста; тесто на вид пышное и вкусное, вот только начинка горьковата. У меня она такая же, как у отца,

и потому для меня это не секрет, в отличие от других. Мать – вообще безвольное животное. Ей бы по кругу за пастухом ходить и траву щипать. Правда, это животное иногда забавное, и абсолютно безобидное.

– К сожалению, с матерью тебе очень не повезло, – сказал Шоучжень, – но как ты можешь так говорить?! Она же всё-таки твоя мать!

– Я хотела поговорить с тобой о другом. После этого ты вообще меня знать не захочешь. Ты уверен, что хочешь всё узнать про меня?

– ГОВОРИ!!! – крикнул яростно Шоучжень.

– Хорошо. Не знаю, как начать. В общем, в двенадцать лет я поступила учиться в духовное училище. Там было шесть групп: пять – среднего уровня и одна – для самых способных. Я попала в неё. В группе было пятнадцать человек: десять мальчиков и пять девочек. Я была среди них самой сильной ученицей. Периодически из более слабых групп переводили одного-двух человек в нашу; часто это были очень способные люди, которые претендовали на лидерство в коллективе. В группе были шесть человек, которых я называла своей «боевой шестёркой»: они пользовались особым почитанием из-за общения со мной. Если в группе появлялся мой потенциальный конкурент, эта шестёрка с моей лёгкой руки натравливала на него всех остальных. Они боялись нас и ничего сделать не могли – просто подчинялись. Через какое-то время я выживала этого человека из группы – он ухо-

дил сам. Так было раз пять или шесть до того, как к нам пришла новая ученица – Сакура. В это время я как раз строила козни новому сопернику. Разумеется, через посредников. Эта Сакура была не от мира сего: она казалась нам душой, которая не разбирается в жизни, принимает всё за чистую монету и стремится быть праведной не только теоретически, но и в жизни. Мы жили там все вместе, как в пансионе; и хотя мы были будущими духовниками, этот путь был выбран нами только из-за резко возросшего восхваления этого занятия при новом государственном режиме; мы хотели больших денег, белых ряс до пола, высоких чинов. И, конечно, преклонения перед нами и права судить других людей, ставить себя выше их, «наставлять на путь истинный». Когда Сакура говорила нам о самых простых вещах и о том, что слова не должны расходиться с делом, мы смеялись над ней; но когда нам говорил в учёной форме то же самое профессор богословия, мы почтительно и трепетно повторяли за ним и даже отвечали это у доски. Но однажды всё изменилось: я вошла в класс, и со мной не поздоровался никто. Это был бойкот. Все перестали оскорблять мальчика, которого я хотела выжить из класса, и попросили у него прощения. Это Сакура так подействовала на них: они стали лучше в своих мыслях и поступках, а раньше просто боялись меня. Она стала настоящим лидером в группе: никто ни разу не произнёс это слово, но все знали, что это так. Она не была блестящей, прилежной ученицей. Не учила днями и ночами канон-

нические тексты, не вдумываясь в их смысл, в отличие от меня; её лидерство было в том, что её духовность была настоящей, а не показной и поддельной. Меня же теперь ни для кого в группе не существовало. Так я прожила три года.

Но когда мне исполнилось двадцать пять, я всё же поднималась к вершинам: на тот момент духовным лидером страны был мой отец, и буквально на днях должны были избрать нового. В религиозной среде ходили слухи, что это буду я. Мне, конечно, не терпелось. Отец на два дня уехал по делам и оставил меня принимать прихожан. Меня зашла навестить Сакура. Она не злопамятна; приходила пожелать мне удачи и рассказала о том, что и её близкие попросили представить там свою кандидатуру. Умом я понимала, что волноваться мне не о чем: Сакура и любая власть, даже духовная, – вещи несовместимые, да и согласилась она лишь из любви к своим родным. К тому же она не умела понравиться нужным людям и изобразить безгрешность; да и какие вообще шансы могли быть у неё против меня, дочери Нуронга! Я подумала о том, что наконец-то отыграюсь за прежние годы: теперь я стану лидером, и не для группы подростков, а для всей страны!

После этого Цзюго рассказала Шоучженю историю трёхлетней давности, которая подтолкнула её к совершению чудовищного поступка. Вот как всё было на самом деле.

У алтаря на коленях, низко опустив голову, сидела женщина; этот человек был доведён до крайности. Она была бы рада заплакать, но слёз уже не было.

– Госпожа Нуронг, – позвала она.

Нуронг сделала подобающее лицо и голосом, каким обычно заговаривала со всеми – тонким и ангельским – спросила: «Что с Вами?»

– Здравствуйте! Я приехала к Вам специально, из другого города, – сказала посетительница. – Только Вы сможете понять меня и помочь. Мой тринадцатилетний сын повесился. – Говорить ей было очень непросто; каждое слово давалось с трудом. – Знаете, мой муж работает на промышленном заводе. Когда я была беременна, я зашла к нему на завод; как назло, там произошла катастрофа, и многие вредные газы попали в воздух. Никто не пострадал, и я надеялась, что и у меня всё обойдётся. Но наш сын родился уродливым: наполовину – человек, а наполовину – волк. Если бы Вы встретили его, сказали бы: это оборотень. В роддоме нам предлагали сделать ему смертельную инъекцию: нас убеждали в том, что в мире людей ему не выжить. Мы подписали согласие, но за несколько минут до процедуры я ворвалась в кабинет и потребовала всё отменить.

– Как вам вообще в голову могло прийти убить своего ребёнка! Это грех! – заявила Нуронг.

– Я знаю. Просто мы были в отчаянии, – сказала женщина. – Я по профессии программист, и очень неплохой. Я ушла с работы, чтобы быть дома с сыном. Я изолировала его от людей: запретила друзьям приходить к нам домой, сама занималась его воспитанием и образованием. Муж не одоб-

рял моего решения: считал, что раз уж наш сын родился таким, он должен привыкать к обществу людей, как бы трудно ни было. Но я боялась, что мир не примет и травмирует ребёнка. Я оберегала его. Когда он стал постарше, стала обучать его компьютерным технологиям. Он оказался необыкновенно талантливым и проявил к этому большой интерес. Ему было бы под силу со временем сделать что-то выдающееся в этой области. Вот только никто не знал, как провести мост между ним и остальными людьми.

Но когда-то он должен был начать жизнь в социуме. Я постоянно оттягивала этот момент: сын не хотел, чтобы в нём кто-то признал личность; он увлекался компьютерами и творил в этом выдуманном мире. Я понимала, что страх сына перед неизбежным столкновением с реальностью стремительно растёт, и боялась всё больше и больше. Но нам обоим было хорошо в этом инкубаторе: мы попали в зону комфорта, из которой не хотелось выходить. Конечно, я сформировала его взгляд на жизнь и вкус: покупала домой книги и фильмы для моего мальчика. Они и стали его единственными собеседниками и друзьями, кроме меня. У него была насыщенная внутренняя жизнь, несмотря на изоляцию. Иногда мы с ним ходили вместе в кино или на компьютерные выставки, которые были интересны нам обоим. Он всегда скрывал своё лицо и уходил, как только всё заканчивалось. С закрытым лицом он ходил и на прогулку. В последнее время я поняла, что его самооценка ужасно занижена: он

чувствовал, что ради него я отказалась от многого, что было для меня важно, и тяготился этим. Он говорил, что виноват в том, что приковал меня к дому невидимыми цепями. Он был бы рад выйти в жизнь, но был более чем уверен, что человек он только для нас с отцом. К сожалению, всё так и вышло. Убедить меня было непросто, но муж настоял на том, чтобы мы отдали сына в школу. Все трое из нас понимали, что отступить уже некуда. Это человеческая чёрствость довела его до самоубийства. Он пытался наладить контакт хотя бы с кем-то, но ничего не получилось. Это произошло вчера. – Женщина упала на пол и прорыдала около пяти минут, колотя руками и ногами.

Когда Нуронг помогла ей подняться, она продолжала: «Муж хочет расстаться со мной, потому что меня ненавидит и винит в смерти сына. Жалеет, что пошёл у меня на поводу лет десять назад. Самое страшное, что он прав. Сыну было бы легче, если бы он вошёл в общество ровесников в два-три года: в это время у детей ещё нет критического мышления и своего мнения – они принимают всё то, что им дадут, расскажут или покажут. Для них неважно, похож ты на них или не похож: они вообще об этом не думают. Чем раньше бы мы отпустили мальчика в свободное плавание, тем лучше было бы, хотя легко бы ему не стало. Я же силой выбросила сына в давно сформированный коллектив людей, стоящих на трудном рубеже взросления, где каждый занимает своё место в соответствии с личными качествами, способностями

и заслугами. Они и так переосмысливают многое, низвергают вчерашние авторитеты. А принять моего сына – для них уже слишком. Это было равносильно его добровольному походу на казнь: его долго пытали, а затем он казнил себя сам.

Сохранив ему жизнь, я была обязана сформировать круг его общения в бессознательном возрасте. Моё упрямство привело к трагическому концу; может быть, ровесники сына, с которыми он бы познакомился в два года, общались бы с ним и потом по привычке, из жалости, не воспринимали бы сына как уродца, зная его с самого раннего детства. Я упустила столько лет, причём осознанно... Я знаю, как сильно виновата! Но я люблю своего мужа; зачем он так со мной?! Я привезу его сюда; поговорите с ним о том, чтобы он постарался простить меня. Чтобы он не уходил. Но должна Вам сказать, что мой муж – неверующий. Но это же не имеет значения! Только Вы переубедите его. Поговорите с ним, пожалуйста, Вы же особенная!» – посетительница поцеловала ноги Нуронг.

– Прекратите немедленно, – сказала Нуронг морализаторским тоном, – и не рассчитывайте на мою помощь. Если у Вашего мужа хватит ума, он простит Вас, потому что Вам тоже тяжело. Но если он неверующий, беседовать с ним не собираюсь! От этого не будет никакого толку!

– Я умоляю Вас! – взмолилась женщина и мёртвой хваткой вцепилась в рясу Нуронг. Это был крик души.

– Нет! – непреклонно ответила духовный лидер.

– Но, может быть, Вы отпоёте моего сына?

– Вы в своём уме?! Он самоубийца!

– Чтобы Вы поняли, как тяжело ему было жить, я покажу

Вам его фотографию.

Женщина протянула снимок; не глядя на него, Нуронг продолжала читать мораль: «Если смотреть на это объективно, то нет Вам прощения. То, что выпало Вашему ребёнку, он должен был вынести – от начала и до конца, а Вы посмели препятствовать этому! Вы должны были приучать его, что не только Вы заботитесь о нём, но и он обязан проявлять понимание к другим людям, пусть он и не такой, как все. Вы же тринадцать лет создавали особенный уход за ним, вращались вокруг его интересов, как Земля вокруг Солнца! Вы начали убивать его с самого рождения!»

– Да посмотрите же! – попросила женщина в последний раз.

Нуронг шарахнулась в сторону, а лицо её исказилось гримасой: на фотографии, на человеческих плечах, была самая настоящая волчья морда.

«А знаете, Вы зря не усыпили его, – брезгливо сказала Нуронг, – потому что это не человек, а животное!»

– Это человек! – крикнула в отчаянии несчастная мать. – Он думал, как человек! Воспринимал всё, как человек, и был очень умным!

– Знаете ли, милая моя, – как ни в чём не бывало ответила Нуронг, – такая кара просто так с неба не падает. Не может

человек породить зверя. Уходите отсюда! И Вы, и Ваш муж – от сатаны! Дьявольское вы отродье!!!

Женщина пристально посмотрела в глаза Нуронг: она пылала гневом и была способна на всё. Пронзив Нуронг взглядом с головы до пят, она сказала: «Как Вы думаете, какое самое страшное открытие в моей жизни? Нет, это не внешность моего сына, когда он родился. Это то, какая Вы на самом деле. Вам кажется, что Вы – человек? А Вы уверены?! Подумайте об этом на досуге».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.